

ЕВГЕНИЙ ШИШКИН

МИЛЫЕ ЧЕРТЫ ЗНАКОМОГО ПОРТРЕТА

К 200-летию Ивана Александровича Гончарова

Разговаривая однажды со студентами Литинститута о творчестве И. А. Гончарова, услышал суждение: “Что, Гончаров? Ну-у, это слишком несовременно и толсто...” Я не стал уточнять, что подразумевалось под словом “толсто”: то ли объемность последнего романа И. А. Гончарова “Обрыв”, то ли дородность Ильи Ильича Обломова при его солидном рационе, то ли весь XIX век, который выглядит при нынешнем уровне стипендий и питания студентов значительно полнее, чем начало века XXI, – словом, “толстость” меня не занимала, а “несовременность” – да. Пришлось возражать, действуя по принципу “каков спрос – таково предложение”: пустить в ход цитаты из статей и писем классика.

Вот, к примеру, о нравах: “...в общих понятиях людских совершается что-то странное, почти небывалое, по крайней мере небывалое в таких размерах! Какое-то глубокое, всемирное разложение!” (Это из “Необыкновенной истории”.) Как видите, очень современно!

А теперь посмотрим, какими злободневными и меткими остаются мысли И. А. Гончарова об ученых, о науке. В правоте его слов убеждает сама действительность: взгляните-ка на экономический блок нашего правительства: все в нем доктора да академики, а подавляющая часть населения тянет от зарплаты до зарплаты. И строки И. А. Гончарова из письма к К. Д. Кавелину (1874 г.) очень подходящи: “Сколько академиков, профессоров, литераторов притворяются ежедневно знатоками...” Такие бы слова на первую полосу наших газет!

Или вот несколько цитат И. А. Гончарова о любви, о половых отношениях, это сейчас сверхактуально, когда повсюду в СМИ – о парадах каких-то извращенцев. В письме к П. А. Валуеву (1878 г.) И. А. Гончаров приводит слова “одного талантливого писателя” (подразумевается М. Е. Салтыков-Щедрин), который “начал было читать “Анну Каренину”, но на второй части бросил: “всё половые отношения, да половые отношения, – говорил он (С.-Щ. – **Прим. автора**), – далась им эта любовь, потчуют ею во всех соусах: ужели нет других интересов, страстей”. “А если нет, – возразил я (И. А. Гончаров. – **Прим. автора**), – ужели же художник не вправе изображать то, что есть и как оно есть?”. Под такими словами, прочитанными в контексте наших времен и нравов, пожалуй, многие бы кино-телережиссеры и модные сочинители подписались. Где уж тут несовременно?!

И еще об одних суждениях писателя, об этом сейчас говорить тоже очень модно и даже скандально: о национальности, о русскости. На страницах письма к С. А. Толстой (1870 г.) И. А. Гончаров рассуждает о русском языке, и не только о нем: “Никогда Россия, говоря по-французски и по-английски, не займет следующего ей места, то есть центра и главы славянских народов, как у нас многие надеются, а с ними и я, конечно...” Как видим, И. А. Гончаров надеялся... И в том же письме несколько ниже: “Все народы должны прийти к общему идеалу человеческого конечного здания — через национальность, т. е. каждый народ должен положить в его закладку свои умственные и нравственные силы, свой капитал”. Стало быть, и в умственные, и в нравственные силы русского народа писатель верил, да и капитал, видать, всегда в России был немалый, а жирующих на Западе олигархов не так много, как теперь.

Это лишь малые крохи высказываний И. А. Гончарова, которые легко подвести под современность, придав им направленность и соответствующий тон. Я умышленно использую слова “подвести под современность”, так как приводимые выше суждения вырваны из работ писателя весьма вольно. Это сделано сознательно и полушутя — лишь бы пооригинальнее возразить молодым литераторам, потому что в конечном счете значение И. А. Гончарова для русского и мирового читателя не в цитатах, которые свежи и угодны моменту, а в доброте и обаянии его романов, в благородности его писательских устремлений, в силе его художественных образов. И. А. Гончаров, быть может, как никто другой из классиков современен и, смею сказать, чрезвычайно полезен для молодого поколения читателей (хотя бы из познавательных целей — каков “Фрегат “Паллада”!)

В заметках о личности В. Г. Белинского И. А. Гончаров вспоминал, что критик говорил ему в свое время, ставя это в заслугу: “Вам все равно, попадаете мерзавец, дурак, урод или порядочная, добрая натура, — всех одинаково рисуете: ни любви, ни ненависти ни к кому!” В. Г. Белинский считал его бестенденциозным писателем, “...это признак художника!”, да и сам романист охотно соглашался с этим. Хотя о тенденциозности литераторов стоит, наверное, кое-что сказать. Бестенденциозных писателей, строго говоря, вообще быть не может: если ты писатель, то уже тенденциозен тем, что выбираешь именно эти события, а не другие, что рисуешь именно этих героев, а не других и т. д. — и в конце концов рассказываешь именно о том, к чему клонится душа. И. А. Гончаров ведь не по заказу писал, а “только то, что переживал, что мыслил, чувствовал, что любил...” Но вот когда речь заходит об отношении к своим персонажам, то тут романист старался быть беспристрастен, объективен и высоко ценил мнение известного критика.

И все же, несмотря на бестенденциозность, любое произведение крупного художника создает вокруг себя особую атмосферу, пропитанную чувствами, настроением автора, магнетизмом его слога. Писатель может умело маскировать свое отношение к персонажам, оставлять открытыми финалы произведений, лишать страницы всяких намеков на выводы и приговоры, но лишить свое произведение этой атмосферы он, и к удивлению, и к счастью, не в силах. Читатель, беря в руки знакомую книгу или даже только увидев ее, уже эмоционально испытывает ее влияние на себе. Книга — отчасти как икона: не мы берем ее, а она притягивает нас, не она — перед нами, а мы — перед ней.

Перечитайте удивительное начало “Обломова”: “В Гороховой улице, в одном из больших домов, народонаселения которого стало быть на целый уездный город, лежал утром в постели, на своей квартире, Илья Ильич Обломов...” Не мы подходим к Обломову, а он к себе постепенно подпускает, вырастая при этом в фигуру огромного масштаба. “Вы совершенно переноситесь в тот мир, в который ведет нас автор” — это слова Н. А. Добролюбова. Мало того, Обломов настолько привлекателен, что и самого автора “ведет”... Не случайно И. А. Гончаров писал о создании этого образа: “...не ведал, что творю!..”

Заметим попутно, что в произведениях И. А. Гончарова отсутствуют сцены жестокости: нет убийств, самоубийств, насилий, войн, погромов и т. п., — это тоже создает весьма характерный гончаровский фон. В его книгах люди едят, лежат, безобидно спорят, мирно гуляют, ходят на рыбалку — все обыденно, никаких вроде бы взрывов, но за этой обманчивой, многоплановой обыденностью происходит борьба героев, глубокий драматизм. Обыденность жизни у И. А. Гончарова описана, кстати, очень тепло, заинтересованно,

образно, — тут он развивает традиции замечательного учителя своего Н. В. Гоголя.

И все-таки какой же главный компонент атмосферы гончаровских романов?

Доброта. По-моему, именно доброта. “...ни любви, ни ненависти ни к кому!” — с этим согласиться можно, тем более с литературоведческой точки зрения и тем более относительно романа “Обыкновенная история”, о котором высказывался В. Г. Белинский; но ведь доброта — это несколько иное. Доброта — чувство не менее значительное, чем любовь или ненависть, но более спокойное, более продолжительное. И эта доброта преобладает в атмосфере всех романов И. А. Гончарова, сочетаясь порой то с мягкой иронией, в которой никогда нет издевки, то с некоторой грустью, то с некоторой беспомощностью: невозможностью уберечь своих героев от бед.

В эпизоде рокового свидания Веры и Марка в романе “Обрыв” чувствуется беспомощность не только Райского и непосвященной бабушки, но и самого автора, об этом свидетельствует напряженность, с которой описана сцена у беседки, и слова, которыми он ее заканчивает: “Боже, прости ее (Веру), что она обернулась!...” Тут уж автор не удерживается и переходит границу бестенденциозности: ведь призыв его и к Богу, и к читателю. Писатель беспомощен, но в открытую добр и человечен.

И. А. Гончаров был христианином. Но у любого художника, помимо религиозной, есть и другая вера, которая выражается идеалом, принципами, чувствами и т. п. Художественные произведения всегда являются носителями, проповедниками этой веры. Писатели золотого века русской литературы при всем том колоссальном поэтическом даре и взаимопризнании имели разную веру (тут не только грубое деление на западников и славянофилов). Гончаров и Белинский, Гончаров и Салтыков-Щедрин, Гончаров и Тургенев, Гончаров и Некрасов — как много связывает имя романиста с именами собратьев по перу: талант, любовь к литературе, желание служить Отечеству и т. п., — и все же веры они разной. У И. А. Гончарова нет замашек революционера, увлеченный новыми европейскими теориями, духа различия, вверия к ломке общественного устройства, хотя при всем том он смотрит вперед и желает перемен. Он здраво консервативен... Органичное, ровное развитие истории, разумность и гуманизм в политике, доброта и порядочность в отношениях между людьми — вот в такой плоскости располагается гончаровская вера, — в плоскости, далекой от “бесовских” настроений, от нигилизма и бунтарства “новых” людей.

Говоря о вере И. А. Гончарова, приведем последние слова из его последнего романа “Обрыв”: “За ним (Райским, когда он был в Италии. — **Прим. автора**) все стояли и горячо звали его к себе — три фигуры: его Вера, его Марфинька, бабушка. А за ними стояла и сильнее их влекла его к себе — еще другая исполинская фигура, другая великая “бабушка” — Россия”. И это заключительная фраза романа! Разве в этих строках мало веры?!

Еще в недавнем прошлом советская критика уделяла чрезмерное внимание тем порокам русского общества, которые обнажали, изобличали или высмеивали мастера литературы XIX века. (Сейчас время этой критики прошло, но появилась еще более оголтелая критика с обратным знаком.) Да, несомненно, большая душа русского писателя не могла не откликнуться на зло, несправедливость, убогость, нищету. Русского талантливого писателя с иной душой и представить трудно, да и литература сытости, литература увеселения, развлечения, как правило, наднациональна, нивелирована; а И. А. Гончаров признавался, что у него “все действующие лица, нравы, местность, колорит — слишком национальные, русские” (даже слово “слишком” употребил). Но рассуждая об обличительном пафосе произведений писателей, можно проследить некую закономерность: как правило, новым поколениям читателей становится все менее интересно обличительство. Этот самый пафос утекает как вода сквозь песок, а на поверхности остается яркий художественный образ (как тут не выделить замечательный образ Ильи Обломова!), богатый мастерский язык (а язык гончаровский сочен), смелая новаторская идея (не забудем, что И. А. Гончаров был в ряду родоначальников русского романа). Иллюстрацией тому, что обличительный пафос недолговечен, может служить и литературная ситуация последнего времени. Сколько “гениев” в перестройку народилось! И сколько их, “гениев” этих, уже преспокойненько и незаметненько “умерло”!

Рассматривая с этих позиций творчество И. А. Гончарова, отметим, что политика не подыгрывала ему, не прибавляла популярности. Его книги не отличались какой-то напряженной злободневностью, колючестью, хотя признать то, что они не затрагивали общественных движений русской жизни, никак нельзя. В “Обыкновенной истории” показана наивность и выпренность романтизма. В “Обломове” автор рисует сказочно-милый, но вместе с тем большой сон Обломовки. В “Обрыве” изображает довлеющий романтизм бабушки. И все же И. А. Гончаров не есть обличитель и тем более революционный борец... И его относительная пассивность пошла лишь во благо. Ведь борцы, разные “новые” люди с новыми идеями и “новым мышлением” и т. п. лишь отчасти являются ускорителями прогресса. При внимательном рассмотрении их деятельности можно прийти к невеселому выводу: ох, и натерпелась же Россия от революционеров разных мастей! И в дни нынешние терпит...

Родом А. И. Гончаров из Симбирска, то есть из провинции. Провинциал, сколько бы ни жил в столицах, все-таки не может полностью избавиться от комплекса провинциала: некоторой настороженности, застенчивости, — между ним и коренным столичным жителем сохраняется некоторая дистанция. Ощущение такой дистанции и даже отчасти неполноценности испытывает в какой-то мере всякий, кто поменял место жительства: деревню — на город, провинцию — на столицу (а люди гончаровского склада, наверное, испытывают в особенности). Тут могут быть возражения: человек человеку рознь. Взять хотя бы Александра Адуева из “Обыкновенной истории”, вот, мол, каков провинциал! Да такой любого столичного льва стоит! Однако вспомним, сколько ему пришлось прожить и пережить, чтобы из него выветрились провинциальная прямота, искренность и т. д. Да и разве автор, поставив точку в конце романа, поставил точку на образе героя? Динамика характеров И. А. Гончарову свойственна, и нет уверенности, что Александр безнадежно “исправился”. К тому же в конце романа даже закаленный Петр Иванович оказывается надломленным. Не ждет ли чаша сия Адуева-младшего?

Что ни говори, а выходец из русской провинции несколько иного типа человек, нежели коренной житель столицы. Провинциализм И. А. Гончарова проявился и в характере его героев, и в описаниях природы, и в характере самого автора, который унаследовал лучшие черты этого провинциализма: честность и порядочность в первую очередь. Однако посмотрим, как сам писатель относился к своей малой родине. Вот выдержка из статьи “На родине”: “И по приезде домой, по окончании университетского курса, меня обдало той же “обломовщиной”, какую я наблюдал в детстве. Самая наружность родного города не представляла ничего другого, кроме картины сна и застоя”. Да, из провинции можно навсегда переехать, никогда не бывать там, даже разлюбить, но вытравить из себя дух, вложенный провинцией, очень трудно, а дух этот, как правило, дух незлобивости, покорности, доброты, человеколюбия, несмотря даже на тот “сон и застой”, о котором упоминал писатель.

Творчество любого большого художника, его личность, его жизнь всегда интересны, всегда поучительны. Натура И. А. Гончарова очень неоднородна: тут и мнительность, которую отмечали все его современники; тут и “честность и благородство” (слова С. А. Никитенко); тут и отстраненность, и равнодушие: “С летами и с опытом мне даже стало все равно, что у меня нет друзей, нет симпатий, что никто не любит меня...”; тут и доброта: “он умел делать добро” (из воспоминаний М. М. Стасюлевича, когда он рассказывал о воспитании И. А. Гончаровым приемных детей). Творчество И. А. Гончарова уникально, оно являет пример трепетного служения литературе, писатель в свое время признавался: “. . . Я откровенно люблю литературу, и если бывал счастлив в жизни, так это своим призванием. . .” Имя И. А. Гончарова стоит в первом ряду русских классиков, его труд, его вера глубоко уважаемы читателями разных поколений.

И еще один штрих: нам, нынешним соотечественникам писателя, его жизнь и творчество могут служить образцом доброты и порядочности, — тех качеств, которых так не хватает в наше, чрезвычайное для России время.